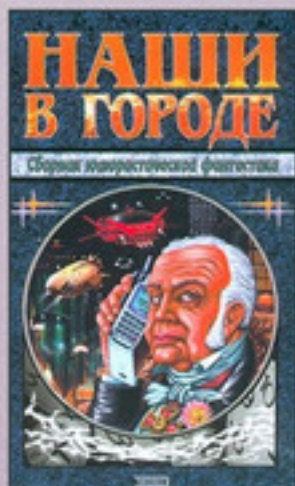

Даля Трускиновская

По-нашему, по-купечески!

*Часть сборника
Наши в городе (сборник)*

Даля Трускиновская

По-нашему, по-купечески!

«Автор»

2000

Трускиновская Д. М.

По-нашему, по-купечески! / Д. М. Трускиновская — «Автор»,
2000

«На экране ноутбука одна картинка сменяла другую.— Хоть убей, не пойму, чем они отличаются! – воскликнул Корсунский. – Ну, не в дизайне же дело!– Ты посмотри, – Яненко постучал по мышью шариком, возвращаясь на сколько-то картинок назад. – Вот тебе «форд-темпо-десять-сорок-четыре». Работает в двух режимах – в реальном и в возвратном. А сорок девятая модель работает в трех – реальном, возвратном и турбореальном. Но горючего жрет – не напасешься. А вот тебе «вольво-семь-таймина» с резервом на трое суток. Зато и стоит!..»

© Трускиновская Д. М., 2000

© Автор, 2000

Далия Трускиновская

По-нашему, по-купечески!

На экране ноутбука одна картинка сменяла другую.

– Хоть убей, не пойму, чем они отличаются! – воскликнул Корсунский. – Ну, не в дизайне же дело!

– Ты посмотри, – Яненко постучал по мышью шариком, возвращаясь на сколько-то картинок назад. – Вот тебе «форд-темпо-десять-сорок-четыре». Работает в двух режимах – в реальном и в возвратном. А сорок девятая модель работает в трех – реальном, возвратном и турбореальном. Но горючего жрет – не напасешься. А вот тебе «вольво-семь-таймина» с резервом на трое суток. Зато и стоит!

– А «форд»?

– А с «фордом» ты привязан к заправкам, особенно если едешь в возвратном режиме. Потому он и дешевле – на заправках с тебя сдерут вдвое больше, чем ты сэкономишь, если возьмешь «форд», а не «вольво». Вот его и берет всякая мелкая шушера, которой возвратный режим ни к чему. Подумаешь, час! А так за год сколько часов наберется?

Яненко возвел глаза к натяжному пленочному потолку, который оптически увеличивал высоту кабинета до бесконечности, и где-то в звездной дали увидел свою запрокинутую физиономию.

– Пятнадцать суток! – провозгласил он. – Ты понимаешь?

Корсунский покосился на него.

– Зато «форд» восьмиместный.

– Ну и кого ты собираешься сажать на эти восемь мест? Саша, это модель для нищих. Для таксопарков! Ты еще омнибус поищи! А вот, смотри, «субару» – это вообще класс! Дальность умопомрачительная!

– Сколько?

– Тысяча пятьсот, что ли...

– Куда мне столько?! Чего я там забыл?!

– Ну... – Яненко непременно хотел что-то возразить, но не получалось. Он и сам понимал, что тысяча пятьсот – это уже вообще за пределами и никому не нужно, если только не собираешься непременно вступить в войну с Темполом. Есть любители подразнить Темпол, заманить туда, где его машины уже не тянут и заправок нет, кое-кто сделал из этого целый вид спорта, но Корсунский не юный бездельник, которого папа престижа ради обязал тратить в месяц не менее определенной круглой суммы, а человек солидный, банкир, домовладелец.

Достаточно на рожу взглянуть – сытая ухоженная рожка, Яненко ввек такую себе не наест, а как банкир эту рожу несет! Царственно! Взора не опустит, как будто всю жизнь под ногами одни ковры были.

– Ну! Ты же знаешь – я на своей «тройке» только обедать езжу. И не дальше, чем восемнадцать-пятдесят. Потом, сам знаешь, сплошная антисанитария. И для этого «тройка» более чем подходит. Да...

Корсунский взглянул на часы. Эти настольные часики имели наискромнейший вид, и если не знать, что фундаментом для них служит полукилограммовый слиток платины, можно и удивиться – с чего в солидном кабинете вдруг такая простота и дешевка?

Яненко знал мечту шефа – установить на столе настоящий золотой самородок. Эту мечту весь персонал банка знал. И она стала для Яненко настоящим геморроем – потому что время от времени возникали всякие авантюристы, клялись, что сию минуту с приисков, своими руками самородок намыли, и была большая морока – задерживать их и сдавать правоохранительным органам.

Имелась только одна возможность раздобыть настоящий самородок – но она законодательством не приветствовалась, хотя Яненко знал – стоит Корсунскому увидеть долгожданную цацку, плевать он захочет на законодательство и охотно вынет деньги на штраф из оборота, лишь бы потешить душеньку.

– Вот и я о том же, – увидев, что время обеденное, обрадовался Яненко. – Кушанье готово, сударь.

– Значит, поехали.

– Я без сюртука.

Всем видом Яненко показал – вот тебе, хозяин, повод не брать с собой подчиненного лишь потому, что тот оказался рядом в обеденное время. Но Корсунский был на высоте.

– Я для такой надобности четыре лишних держу.

Из дубовых резных панелей, которыми был обшит кабинет Корсунского, две прикрывали потайные двери, в комнату отдыха и в гардеробную. Корсунский и Яненко переоделись в сюртуки, сменили галстуки и достали из шкафа большую бобровую шубу.

– А ты волчью возьми, – сказал Корсунский. – Она тебе великовата, ну да ничего, кто там на это смотреть станет! Там главное – монументальность.

– Да уж...

Сам он в великолепных бобрах был вполне монументален и даже, пожалуй, красив... Яновский рядом с ним казался мелковат, и волчья шуба, которая мела по полу, гляделась как незаслуженный дар с барского плеча. Впрочем, так оно и было – Яненко служил у Корсунского в банке, заведовал бюро по связям с общественностью, и именно в его руки стекались все рекламные затеи, прилетавшие каждое утро на адрес банка по Паутине. В том числе и соблазнительные предложения насчет «форд-темпо-десять – сорок четыре» и «вольво-семь-таймина».

О лично ему адресованных мессиджах с конкретными предложениями насчет коммиссионных Яненко, естественно, не докладывал. Но если Корсунский об этом интересе не догадывается – какой же он тогда банкир?

Корсунский и Яненко вышли в пустой коридор, вызвали лифт и спустились в гараж, где наверху стояли машины для деловых поездок, а внизу – шестиместная «тройка» в положенном ей боксе.

– Добрый день, Александр Артурович! – поздоровался юный оператор Дениска. – Как всегда?

– Как всегда.

– Заходите!

– Ты, поросенок, сессию сдал? – спросил оператора Корсунский. Длинный, но уже всю плечистый Дениска широко улыбнулся.

– Мне отсрочку дали!

– Это за какие такие добродетели?

– Я сказал, что в банке «Аскольд» служу, работы было много, дураки они, что ли, не знают «Аскольд»?..

– Вот, воспитали жулика! – весело сказал Корсунский Яненко. – Смотри, сессию заваляшь – переведу из операторов в дворники! Будешь на каре по тротуару ездить и снег разгребать!

– Приятного аппетита! – нажатием кнопки открывая дверь в бокс, крикнул Дениска.

– Александр Артурович! Подождите!.. – и, не дожидаясь, пока дверь лифта разъедется полностью, выскочило юное создание – тридцати четырех лет от роду, но если не смотреть в документы, то девочка девочкой. И с голоском шестиклассницы, кабы еще не писклявее...

Яненко негодуяще фыркнул.

Очевидно, Наденька всякий раз выжидала, когда Корсунский поедет обедать, в помещениях охраны, у большого пульта, куда стекалась информация со всех камер видеонаблюдения.

Услышав голосок, Корсунский окаменел.

С быстротой непостижимой Наденька оказалась у двери бокса. На ней была короткая розовая шубка, из-под которой топорщились воланы длинной юбки, собранные в диковинную загогулину на самом заду, и широкополая шляпа с пером, настолько же уместная в это время года и в этом гараже, как была бы уместна тут набедренная повязка из пальмовых листьев.

– Куда сегодня? – спросила Наденька уже на пороге бокса.

– Еще не решили, – ответил вместо Корсунского Яценко.

– Если ты один раз исхитрилась лечь под шефа, это еще не повод вечно навязываться обедать за его счет! – говорили при этом выразительные глаза специалиста по связям с общественностью.

– В постели от него толку мало, так пусть хоть покормит одинокую трудящуюся женщину! – весело возразили нахальные глазки Наденьки.

Все трое вошли в машину и уселись поудобнее, Корсунский – на заднее сиденье, Наденька – на боковое, Яценко – перед панелью.

– Поехали, что ли? – ненавязчиво распорядился Корсунский. Машину качнуло, снаружи тихонько взвыло и заурчало.

Яненко соображал, как избавиться от Наденьки и сообразил-таки. Были, были в Москве места, куда уважающая себя дама старалась не показываться.

– Саша, ты не забыл? Сегодня у Тестова сибиряки собираются, – достаточно правдоподобно напомнил он начальству. – Помнишь, зачем они приехали?

– Вот черт! – столь же правдоподобно вспомнил Корсунский. – Молодец! Если бы не ты!..

Имелось в виду – если бы не Яненко, то Корсунский проворонил бы этих мифических сибиряков, которые, как всем известно, и привозят в Москву натуральные самородочки. Так что надо их перехватить, пока сибиряки еще трезвы, бодры и заняты делами, потому что вечером они уже будут колобродить в самом дорогом борделе, и драгоценность запросто достанется девкам.

– Так я к Тестову сворачиваю?

– Что за вопрос!

Наденька переводила подкрашенные глазки с обманщика-шефа на обманщика-подчиненного. Личико изобразило обиду и немой вопрос: «А я?!?»

Яненко торжествовал.

Возможно, еще и потому, что восемь лет назад подбивал-таки клинья под эту самую Наденьку, но она метила куда как выше. Вот пусть и едет обедать одна в какую-нибудь занюханную кондитерскую!

Ненавязчивое урчание делалось все тише и наконец смолкло совсем.

– Можно выходить, – сказал Яненко.

Гараж, куда они прибыли, был дизайном поскромнее того, что располагался в подвале банка «Аскольд», но куда обширнее. Одновременно распахнулись двери двух боксов и Корсунский, можно сказать, лицом к лицу столкнулся с давним дружкой-соперником Калгановым. Два года не видались – и на тебе, именно в тот момент, когда за спиной Корсунсконо еще видны простенькие внутренности «тройки»!

– А приличные люди, между прочим, на «субару» приезжают... – не разжимая губ, прогудел за спиной Яненко.

– Валера! – Корсунский раскинул объятия, и шуба заиграла в голубоватом свете незримых лампочек.

– Сашка! – Калганов отвечал таким же царственным жестом, и они на секунду сделались похожи, как будто один и тот же деловой мужчина в бобрах, с сытой рожой и интеллектуально лысеющим лбом отразился в зеркале.

– А это – Наденька! – Корсунский посторонился, являя взорам нахлебницу.

Наденька прекрасно слышала гудение Яненко. Вывод сделать ей было несложно – Валера будет поперспективнее Корсунского.

– Хотя бы отрекомендовал меня, – упрекнул Калганов, спеша припасть к дамской ручке.

Корсунский отрекомендовал столь блестяще, что Калганов, который дураком уже и в материнской утробе не был, сообразил, откуда вдруг такая любовь к нему со стороны заклятого приятеля.

Но игра забавляла его – и он предложил всем присутствующим пообедать у Дюссо.

– Я бы рад, но у меня сегодня сибиряки, – соврал Корсунский. – Сам понимаешь! Надюша, ты уже была у Дюссо?

– Нет, но много слышала, – сказала Наденька, сделав восторженные глаза и тарашась на Калганова, как девочка-фанатка на раскрученную группу в полном составе. Она и сама удивлялась, до чего неотразим подобный взгляд, но раз глупым мужчинам для полного счастья требуется именно тупое восхищение, Наденька его предоставляла в полном объеме.

– Поскорее, пожалуйста! – крикнул от своего пульта оператор. – В канале еще три машины!

Оказалось – референт-телохранитель, сопровождавший Калганова, завозился в салоне. Он выскочил, и тут же двери обоих боксов закрылись.

– Сергеич! Сани к подъезду! На две и на три персоны! – сказал оператор в микрофон. – Господа, вас когда ждать?

– Через полтора часа, – первым отвечал Шалганов.

– Часа через два, – вместо Корсунского выпалил Яненко. Таким образом он подтверждал свое вранье насчет сибиряков, которые меньше за столом не сидят, и вынуждал Наденьку возвращаться назад хоть с Калгановым, хоть с чертом лысым! Но только не с Корсунским.

Пока поднимались на лифте, а потом – по широкой лестнице с дубовыми перилами, Наденька как-то так незаметно оказалась рядом с Калгановым, и при выходе на свежий воздух уже держала его под руку.

– Добро пожаловать, ваше благородие! – приветствовал огромный дворник с бородищей во всю грудь, в фартуке поверх тулупа и при положенной ему бляхе на груди. – Вон, Никита и Яша ждут!

Из заиндевевшей фальшивой бороды возле самого рта торчал черненький шарик микрофона.

Корсунский и Яненко направились к саням, сели и позволили извозчику укутать их ноги ковровой полостью. Наденьку они благополучно сблагостили – и она для них более не существовала.

Да и многое для них сейчас не существовало. Ибо они наслаждались.

После искусственного света в банке «Аскольд», в гаражах, в машине, после стерильной, дезодорированной и потому припахивающей какой-то медициной атмосферы они оказались под отчаянно голубым небом, под сверкающим солнцем, вдохнули морозный и ароматный воздух.

– Что, Никита, овес не вздорожал? – спросил Корсунский извозчика.

– Вздорожал, Александр Артурыч! – весело отвечал красивый парень, и ясно было, что врет, но белозубая улыбка сияла такой несокрушимой искренностью, что рука Корсунского сама полезла во внутренний карман бобровой шубы, где нарочно для таких вылазок были отдельно крупные банкноты, а отдельно – мелочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.